

Санкт-Петербургский институт истории  
Российской академии наук

---

# ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

исследования по российской и всеобщей истории

№ 1 (29) 2021

**С. А. Козлов**

## «Под самую Москву продолжается кровопролитная драча».

### 1812 год в письмах П. А. Болотова к А. Т. Болотову\*

Год 1812-й определил не только гражданскую позицию отдельной личности, но и обострил ее историческое самосознание, чувство сопричастности к судьбоносному времени и обнаружил потребность отразить свое участие в событиях великой эпохи. По подсчетам А. Г. Тартаковского, общее число выявленных воспоминаний и дневников, раскрывавших так или иначе эпоху 1812 г., составляет более 500 наименований<sup>1</sup>. Исследователь убежден, что когда бы ни вводились в научный оборот новые мемуарные тексты об этой эпохе, «это было фактом большого историко-культурного значения»<sup>2</sup>.

При этом историографическая проблема: восприятие событий войны 1812 г. современниками относится к числу наименее разработанных в исторической литературе, несмотря на то что исследователи неоднократно писали о необходимости создания невоенной или «бытовой» истории 1812 г.<sup>3</sup> Из новейших исследований можно выделить две статьи, посвященные отражению событий 1812 г. в эпистолярном наследии образованного общества и российским простонародьем<sup>4</sup>.

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Эпистолярное наследие провинциальной дворянской семьи: комментированное издание переписки А. Т. и П. А. Болотовых (1796–1826)», № 19-09-00013.

Ценнейшими документами, возникшими в ходе войны и ставшими ее событийной стороной, являются частные письма. Эта была деловая переписка, «дружеские», семейные, «бытовые» письма. Наряду с многочисленными сведениями о личной жизни корреспондентов в эпистолярных представлены сообщения о военных действиях и организации снабжения армии, приказы и распоряжения российских властей, а также слухи и анекдоты, бытовавшие в обществе. Как отмечали М. А. Бойцов и В. В. Ильин, «письмо отражало не только стихию обыденной речи, общераспространенные навыки обращения с письменным словом, но и циркулирующие в различных слоях общества идеи, социальные страхи, типичные нравственные коллизии». Корреспонденты 1812 г. выражали переживания и ощущения русских людей военной эпохи<sup>5</sup>. Частные письма донесли сиюминутное и сугубо личное восприятие войны. Сохранилось их не так много, большая часть писем погибла в огне пожаров, потерялась в почтовой пересылке, была утрачена в спешке переездов из прифронтовых городов и дворянских усадеб. Авторами писем были представители высшей знати, генералы, офицеры, чиновники, купцы и крестьяне. В 1988 г., предвзяв издание сборника частной переписки 1812 г., М. А. Бойцов отмечал, что «все они могут донести в своих строках до нашего дня чистоты подлинных страстей и поступков и из отдельных черточек, рассеянных в десятках писем, возникает довольно целостная картина войны и общества, застигнутого этой войной»<sup>6</sup>. Вот почему введение в научный оборот писем Павла Андреевича Болотова отцу, тульскому помещику, писателю, паркостроителю, агроному Андрею Тимофеевичу Болотову представляет несомненный интерес. П. А. Болотов жил в имении родственников жены Марии Федоровны Ошаниной (с которой вступил в брак в 1797 г.) в селе Гнилое Болото Кромского уезда Орловской губернии. Он вел еженедельную переписку с отцом. 52 письма П. А. Болотова с 5 сентября 1811 по 9 сентября 1812 г. с приписками детей, Алексея Павловича и Александры Павловны, хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ) — Ф. 89 (Болотовы А. Т., П. А. и М. П.). Д. 115 (179 л.). Письма предввяет авторская нумерация (в центре или в верхнем левом углу) — № 1–52 (с 1 января по 9 сентября 1812 г. — № 17–52).

П. А. Болотов почти в каждом письме отцу отмечал: «За сим должно прежде всего поблагодарить Вас за приятнейшее письмование № 36» (л. 126), «интереснейшее для нас было письмо ваше № 37» (л. 130), «было желанное письмецо и от вас, то есть под № 39» (л. 136), «имел удовольствие получить и 44 письмо ваше» (л. 154), «Гаврила привез от вас поразительное и трогательное письмо № 47 и писанное вами во время самого ужасного кровопролития под стенами нещастнаго Смоленска» (л. 165 об.) и др. Однако обнаружить писем А. Т. Болотова сыну за 1812 г. пока не удалось. Возможно, это связано с тем, что письма, как правило, хранились «в комплектах семейной и дружеской переписки и их не всегда можно вычлениить» из многочисленного документального наследия А. Т. Бо-

лотова, насчитывающего в различных архивах (по подсчетам А. Ю. Веселовой) 372 единицы хранения общим объемом несколько десятков тысяч листов<sup>7</sup>.

Эпистолярная форма была для А. Т. Болотова основной, воспользовался он этим приемом при написании мемуаров. Как заметила А. Ю. Веселова, А. Т. Болотов писал «реальные письма с прицелом на мемуары и целый ряд писем семье из дальних поездок, а также переписка с сыном Павлом во время его службы в столице были целиком или фрагментарно помещены в мемуары»<sup>8</sup>.

С 1770 по 1827 г. А. Т. Болотов также время от времени вел дневник под названием «Домашний исторический журнал»<sup>9</sup>. Ежедневный журнал за 1812 г. представляет собой развернутую хронику тревожных дней прифронтовых уездов Тульской, Калужской и Московской губерний<sup>10</sup>. Как явствует из него, отец и сын вели переписку до конца 1812 г. А. Т. Болотов записал в журнале: «Я продолжал с сыном моим примерную и ежедневную переписку, возстановленную уже из давнего времени. Мы сообщали друг другу обо всем, что с нами досталось и происходило, и согласие между нами было совершенное»<sup>11</sup>. Он часто отмечал о получении писем от сына: «...благодарю Бога моего и сей день я провел счастливо, хорошо и имел удовольствие получить письмо от Павла» (11 января); «ввечеру получил письмо от Павла» (14 февраля), «получил я от Павла вдруг два письма № 30 и 31» (19 апреля); «новых никаких слухов не было, я получил в оной 46-е письмо Павлово» (7 августа) и т. д.<sup>12</sup> Андрей Тимофеевич обычно писал сыну по утрам («все утро прописал письмо к Павлу») или дописывал корреспонденцию на протяжении всего дня («продолжил и кончил большое письмо к Павлу»)<sup>13</sup>.

Отец и сын Болотовы придавали большое значение переписке, которая не прерывалась с 1796 г. и была наполнена размышлениями о текущих событиях в провинции и столице, семейных делах и хозяйственной жизни. Не случайно П. А. Болотов в письме отцу от 19 августа 1812 г., размышляя о «великой опасности от нашествия неприятельского (т. е. французской армии. — С. К.) из Москвы в Тулу», «понуждал» отца покинуть родовое имение Дворяниново и «спрятать на мельнице», находившейся «по отдаленности от деревни», и книги, и «бумажный скарб». Боясь пожаров, Павел настаивал перенести в дальнюю беседку вместе с книгами, «манускриптами и бумагами» и его письма, «как подробную историю жизни сих последних 15 лет, которой записок вдвойне у меня не остается», для чего предварительно изготовить «особенной сундук» и связать вместе всю корреспонденцию<sup>14</sup>.

Письма П. А. Болотова отражают не только личное восприятие войны 1812 г., но и попытку провинциального дворянина постичь смысл происшедших драматических событий. Сведения о военных действиях в провинции получали из официальных правительственных распоряжений, газет, писем, от проезжавших частных лиц. Как правило, почта приходила в уездные города и дворянские усадьбы лишь раз в неделю, поэтому нехватка официальной информации с лихвой восполнялась всевозможными слухами<sup>15</sup>. П. А. Болотов

понимал, что «настает время, когда еще более прежнего будет разпространяемо совсем ложных слухов о небывальщине», но тем не менее просил отца «равномерно» сообщать о всех новостях, оставив ему самому «выбирать вероятное»<sup>16</sup>.

«Великая армия» Наполеона Бонапарта начала форсирование реки Неман в 10 часов вечера 11 (23) июня без объявления войны, но вторжение вражеской армии не было неожиданностью. В российском столичном и провинциальном дворянском обществе многие считали военное столкновение неизбежным.

24 марта 1812 г. П. А. Болотов впервые написал отцу, что «есть доказательство движениям близким к войне, присовокупило и для нас новое удостоверение наступающем большом в Европе политическом пожаре»<sup>17</sup>. И далее рассуждая о том, что народы в Европе, и прежде всего Пруссия, предпринимают «усилия выбиться из-под ярма французского», П. А. Болотов с тревогой писал: «И не в надежде ли на все это таки мы и лезим сами на задор, но дай Бог, чтоб во всех сих предположениях и надежде не обманутся по-прежнему!! Только натурально, что и у г[осподи]на Бонапарта верно чешется также взять лот, и он теперь напрягает все силы ума своего к выгоднейшему расположению войны сей для верного успеха»<sup>18</sup>.

В послесловии к письму от 31 марта П. А. Болотов поспешил сообщить отцу «самые свежие и верные вести», полученные от Варвары Матвеевны Лавровой (урожденной Муромцевой, 1773–1820), с которой Болотовых связывали теплые и дружественные отношения. Ее муж, генерал-лейтенант Николай Иванович Лавров (1761–1813), в письме от 18 марта (которое и пересказал отцу П. А. Болотов) сообщал домочадцам, что «войска все продолжают приближаться к варшавским границам, хотя еще многие думают, что война не состоится». 22 апреля 1812 г. Н. И. Лавров был назначен начальником штаба 1-й Западной армии под командованием М. Б. Барклая-де-Толли. 13 мая П. А. Болотов писал о том, что «генеральша Лаврова» «в веселом духе» читала ему письмо «из армии от мужа», в котором он уверял: «...для получения сего поста многие-де при дворе елозили и ползали, добивались, а я-де ни думал, ни годал о том, сидючи в убогой квартире при своей дивизии, и многих-де возбуждаю себе в том завистников»<sup>19</sup>. П. А. Болотов на это заметил: «Видно там уже не до личностей и вражды, а дело приходит действовать единодушно». И далее провинциальный дворянин восклицал: «Что-то делается теперь у нас там на границе? Не льются ли уже токи крови человеческой или все еще в тишине стоят друг против друга две огромные армии для решения участи может быть всего земного шара»<sup>20</sup>.

Помимо перемещения войск к западным границам, в российском обществе не осталось незамеченным неожиданное проведение весной набора рекрутов с 500 душ по два человека. 23 марта 1812 г. в Манифесте отмечалось: «Издавна сильный и храбрый народ российский любил со всеми окрестными народами пребывать в мире и тишине, соблюдая свой и других покой, но когда бурное ды-

хание возстающей на него вражды понуждало его поднять меч свой на защиту веры и отечества, тогда не было времен, в которые бы рвение и усердие верных сынов России во всех чинах и званиях не оказалось во всей своей силе и славе. Ныне настает необходимая надобность увеличить число войск наших новыми запасными войсками»<sup>21</sup>. П. А. Болотов в письме от 7 апреля писал, что «Москва приняла эту неприятную новость без сетования, потому что Манифест написан слогом Великой Екатерины (да и подлинно необыкновенным выражением и оговорки для извинения необходимости сей новой тягости)»<sup>22</sup>. Автором этого текста и последующих Манифестов 1812 г., выходявших за подписью императора Александра I, был государственный секретарь А. С. Шишков, которого П. А. Болотов называл «известным нашим сочинителем, любителем старинного русского слога»<sup>23</sup>. Как отмечал С. А. Тихомиров, в Манифестах «отчетливо прослеживается стремление придать официальным документам художественное звучание, тексты — выразительные и запоминающиеся, убедительно вызывающие к патриотическим чувствам»<sup>24</sup>.

П. А. Болотов не преминул заметить, что А. С. Шишков был «новым преемником» М. М. Сперанского, высланного из столицы в Нижний Новгород. Провинциальный дворянин опалу реформатора увязывал «с падением ф[ранцузской] партии и совершенное возстановление аглинской, почему еще более должно ожидать неминуемости войны и войны жестокой»<sup>25</sup>. 6 мая П. А. Болотов писал: «Мы живем подлинно теперь в самом важном кризисе времени, которой должен решить участь не только многих государств, но может быть и всего земного шара»<sup>26</sup>. Наконец, 3 июня в письме отцу П. А. Болотов поведал анекдот, «слышанный» им от В. М. Лавровой. Суть его состояла в следующем: французский генерал, будучи в Вильно для ведения переговоров о мире, побывал на смотре русских гренадерских полков, и восхищаясь ростом и «устройством людей, сказал вслух: “Как жаль, что такие молодцы назначаются против французов”»<sup>27</sup>.

Безусловно, слухи о скорой войне с французами будоражили провинцию, но в обществе до последнего надеялись избежать пожара войны. Уверенность вселяли и доходившие известия из действующей армии. В письме отцу от 27 мая П. А. Болотов пересказал очередное письмо генерал-лейтенанта Н. И. Лаврова к жене, в котором высказывалась уверенность: «Мы постоим, постоим да и разойдемся мирно по восвоюсам, чего и дай Бог! Хотя эта заворoshка и недешево стоит, но все-таки плохой мир лучше самой маленькой брани, которой вдобавок последствия очень неизвестны»<sup>28</sup>.

Когда же война началась, то российское общество с нетерпением ожидало официальные правительственные распоряжения и любые сообщения из действующей армии. В провинцию новости поступали с опозданием. В письме от 30 июня П. А. Болотов писал о получении 26 июня (т. е. через 15 дней) «печального известия об открытии уже столь много угрожающей войны с французами», «о чем завтра будем уже и читать в 50-м № “Моск[овских] ведомостей”». Речь шла о рескрипте Александра I на имя председателя Государственного

совета и Комитета министров генерал-фельдмаршала графа Н. И. Салтыкова (от 13 июня), извещающем «о самом первом вступлении неприятельских войск чрез границу, <...> дабы доказать, что не мы сами зачинщики»<sup>29</sup>. П. А. Болотов почти дословно пересказывал слова императора Александра I из рескрипта: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем»<sup>30</sup>. Но при этом провинциальный дворянин восклицал: «Не знаю дополнено ли, что если Бог в том поможет»<sup>31</sup>.

Недостаток официальной информации приводил к распространению «тревожных слухов», и П. А. Болотов писал отцу: «Очень теперь любопытно слышать достовернейших известий, и ежели да чрез неделю или две, Боже упаси, не получим никакой публикации о победе или хотя бы о повержности французам, и что мы не поддаемся и не уступаем, то едва ли не плохи очень там у нас обстоятельства! <...> И при воображении о худом ажно сердце замирает»<sup>32</sup>.

4 июля П. А. Болотов с недоумением отмечал, что «план войны принят против всякого чаяния оборонительной (чего так не любят наши солдаты), и что так скоро успели оставить Вильну»<sup>33</sup>. Дело в том, что французские войска вступили в Вильно 16 июня, не встречая сопротивления, и поэтому П. А. Болотов не преминул заметить: «Какой это ажно большой, и прекрасной, и богатой город, <...> так что вдвое еще стало жаль, что без потери всякого сражения отдали его на жертву и ограбления неприятеля»<sup>34</sup>.

В провинциальном обществе тревога и паника чередовались с высокомерными настроениями, убежденностью в превосходстве над врагом или полным неведением<sup>35</sup>. 8 июля П. А. Болотов с горечью писал отцу: «Признаюсь, что не имею ничего ожидать хорошего и потому то более, что большая часть у нас как военной, так и столичной, и самой деревенской публики желала (не зная чего) войны с самонадежностью, что непременно победим, забыв то, что как еще Бог даст и благословит ли еще оную!»<sup>36</sup> Пересказал он и полученное письмо от В. В. Кислинского, в котором сосед-помещик, «торжествуя, радуется, что желание России исполнилось и война с Францией открылась, и мы верно победители!»<sup>37</sup>

Война затребовала не только значительных людских, но и материальных ресурсов, формировавшихся из окладных сборов и добровольных пожертвований. Постоянная повинность, приобретение волов и фур, организация для армии подвижных магазинов составляли лишь часть фискальных обязательств населения в условиях военного времени. Так, для нужд регулярной армии, находившейся на западных границах, было предписано с ряда губерний (включая Орловскую) собрать по 2500 волов, из них 500 предназначались «для подъема тягостей», а 2000 «для продовольствия войск». При этом предусматривалось «на каждую пару волов из числа первых 500» по крепкой и надежной повозке «с упряжью и со всеми принадлежностями к дороге». Собрав положенное число волов, местным властям надлежало отправлять их гуртами в местечко Свеняны Виленской губернии<sup>38</sup>.

17 июня П. А. Болотов сообщал отцу, что с села Гнилое Болото требовалось «собрать и отправить» одного вола. Купить его удалось довольно дешево — за 157 руб. «у проезжавших с солью на фурах малороссов». «Здесьний исправник», узнав о выгодной покупке, «выслал за Кромь на перехват закупить у таковых проезжих, и покупая дешевле, продает другим по 200 руб. и можно, наверное, сказать, что будут покупать по 300–400 руб.»<sup>39</sup> Однако вскоре стало известно, что власти разрешили «принимать яловых коров», которые можно было купить «гораздо дешевле вола», а также «принимать деньгами» по 120 руб. По убеждению П. А. Болотова, «гораздо бы лучше если бы и за все их взяли бы денгами и как хотели бы, покупали без всякой уже браковки, и нам дешевле бы стало исполнить налог»<sup>40</sup>.

Возмущение у провинциального дворянина вызывало то, что «для провода орловского гурта волов» до местечка Свенцяны Виленской губернии было собрано «господам прогонщикам» с уезда на содержание людей и волам на корм по 6000 руб., «из коих денег верно половина останется у них в кармане». Беспокоило его также и то, чтоб при транспортировке «кромской гурт волов» не потоптал бы хлебов на полях<sup>41</sup>. Вскоре стало известно, что погонщик 14 июля сдал в армию орловских волов «недалеко за Смоленском», однако «некоторые партии достались в руки французов»<sup>42</sup>.

5 августа П. А. Болотов писал отцу о повелении в недельный срок «с души» собрать и отправить со всей Орловской губернии «по 7 фунтов сухарей, по 4 гарнца (гарнец равен 1/8 четверика. — С. К.) овса и с 48 душ по подводе с проводником или извозчиком при двух телегах до Смоленска, где армия наша очень нуждается в продовольствии»<sup>43</sup>. Поведал он и о «большой санзации», которую произвело у местного населения известие «пьяных подьячих», «разславлявших везде» о том, что «собирается поголовщина», т. е. набор на военную службу с каждого тягла. «Это народ так поразило, что почти голосом выли и все почти в отчаянии о себе, не хотели продолжать своих полевых работ», — сообщил 28 июля в письме отцу П. А. Болотов<sup>44</sup>.

8 августа была получена из земского суда «повытка» о поставке в армию провианта, но (к удивлению провинциального дворянина) «наряд» устанавливался не по государеву указу, а «по присланному требованию» к орловскому губернатору от генерал-интенданта, главного управляющего по части продовольствия армий В. С. Ланского. Из Орловской губернии требовалось поставить во 2-ю Западную армию П. И. Багратиона 15 тыс. четвертей муки и 20 тыс. четвертей овса. П. А. Болотова возмущало, что сбор провианта брался «с одних помещичьих душ, купцов и мещан, исключая всех казенных крестьян и однодворцев». Кроме того, «государственные потребности» предстояло «исправить» в десятидневный срок, и П. А. Болотов 12 августа с тревогой писал отцу: «Нет еще овса молоченного ни у кого, да и муку надобно еще молоть в таком количестве, а подводы то, подводы уже двинуть в нынешнюю пору, не говоря уже об опасности лишиться их и с людьми и лошадьми <...> точно доставить

<...> в руки неприятелей»<sup>45</sup>. «Сносным» назвал П. А. Болотов лишь «новое предписание» везти «сбираемый провиант» не в Смоленск, а в Калугу, что позволяло нанять «вошиков» по 190 коп. с пуда, а «прежние нанявшиеся извошники до Смоленска по 350 коп. с пуда <...> задаток назад отдали»<sup>46</sup>.

Война изменила отношение российского общества к иностранцам. По циркулярному предписанию Министерства внутренних дел губернаторам прифронтовых территорий «строжайше» надлежало о каждом живущем в России иностранце сделать «свое решение: выслать ли которого немедленно за границу, или для отправления в Воронеж, или оставления по особенному губернскому одобрению и поручительству»<sup>47</sup>. П. А. Болотов считал подобные меры предосторожности, «хотя не совсем напрасны, но едва ли не слишком и строгия, и могущия ничто иное произвести, как ропот от многих и неудовольствие с духом мщения, а особливо тех, которые давно уже в России не только служили, но даже имеют уже и деревни, как то подверглись тому и чиновные люди, в Орле живущия из немцов»<sup>48</sup>.

Беспокойство у провинциального дворянина вызывал «лионский уроженец» Беллак, нанятый им за 700 руб. для обучения детей французскому языку, как «человек умный и довольно сведующей», говорящий «чистым самым французским наречием»<sup>49</sup>. Однако П. А. Болотов быстро разочаровался «учением детей у француза», и 11 июня писал: «Горе, горе нам с этими господами учителями, а особливо с молодыми французишками, на словах города берут, а на деле совершенныя выходят нули или пустыя барбаны, только звук издающия»<sup>50</sup>.

Получив предписание от властей, П. А. Болотов отказался ручаться за учителя Беллака, называл его «молодцем, наклонным к пьянству» и ходившем «всякую ночь на randevu». 20 августа он писал отцу: «Нельзя иметь долее за пазухою эту опасную змею, ибо при всех известиях и слухах о успехах ф[ранцузской] армии, он явно торжествует, а лишь скажи или начни читать реляции о побиении их, то уходит тотчас из горницы и бесится на всех, говоря, что все это вранье и ложь». И далее П. А. Болотов заметил: «Пусть делает с ним, что хочет правительство, не могу одобрить его, не хочу также слишком и отягчить судьбу его очернением сейчас при отправлении на почту, и его от себя отправляем при письме к исправнику»<sup>51</sup>.

По мере продвижения наполеоновской армии вглубь страны нарастало напряжение в российском обществе и одновременно усиливалось стихийное сопротивление нашествию на захваченных территориях. Дворяне (прежде всего Смоленской губернии) высказывали желание сформировать ополчение. 6 июля 1812 г. императором Александром I был подписан Манифест о сборе внутри государства земского ополчения<sup>52</sup>. «При всей твердой надежде на храброе наше воинство, — отмечалось в Манифесте, — полагаем мы за необходимо нужное собрать внутри государства новыя силы, которыя, нанося ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой, и в защиту домов, жен и детей каждого и всех»<sup>53</sup>. Важную роль в формировании ополчений играли губернские

дворянские собрания, на которых определялись нормы поставки ополченцев, снабжение их продовольствием, обмундированием и вооружением.

28 июля П. А. Болотов сообщал отцу о том, что «для возбуждения всеобщего ополчения на защиту находящегося в опасности Отечества» по всей Орловской губернии рассылалось дворянам «обвещание» съехаться для выборов «милиционных начальников», т. е. руководителей ополчения и «что-де замышляют уже пожертвовать <...> с 25 душ по человеку». И далее он с тревогой писал: «Это известие еще усугубило наше огорчение тем паче, что в такую крайне нужную рабочую пору должна быть отрывка от уборки хлеба самонужнейших людей. К тому ж зная, что такие меры ли уже будут не поздны и не напрасными для защиты мужиками столицы тогда, как вся наша армия столь долго готовленная и во всем давно образованная не могла если удержатся и положить препону прорыву этой страшной реки неприятельского нашествия на самое недро России!»<sup>54</sup> Вскоре последовало «уведомление» (на основании Манифеста 18 июля 1812 г.) о том, что «хлебородные» губернии «освобождаются до времени от внутреннего ополчения» и дворянскому собранию Орловской губернии была предложена лишь подписка о пожертвовании хлебом для армии<sup>55</sup>. П. А. Болотов отмечал, что большинство дворян (в том числе Кромского уезда) подписались «по пуду муки, по четверику овса и по ½ четверти круп с души», но сосед-помещик отказался от подписки и уехал, «чтоб не возбудить неудовольствие прочих»<sup>56</sup>. Однако уже 4 августа Манифестом объявлялось о наборе рекрутов с помещичьих крестьян «во всех тех губерниях, где не назначено ополчения, со ста душ по два человека»<sup>57</sup>.

Известия о кровопролитных боях с неприятелем и потерях с обеих сторон приковывали к себе всеобщее внимание провинциального общества. Делом чести для всех русских стала защита Смоленска, который называли «ключом к Москве». 28 июля П. А. Болотов писал отцу: «Видно добивается таки (Наполеон. — С. К.) посетить Москву и разграбить ее со всеми окрестными губерниями. Это всех нас опять очень конфузит и не знаем сами, что делать и не помышлять ли подлинно о сборах и удалении в Тамбов пределы, ибо из смоленских и могилевских мест подлинно очень многия уезжают целыми семействами внутрь России»<sup>58</sup>. Однако панические настроения быстро пройдут, и 5 августа П. А. Болотов с восторгом будет писать о том, что «все-де наши солдаты рвутся, добиваются, чтоб драться с неприятелями, а особливо слыша, как грабят они повсюду самые церкви и всякого рода безчинства в них производят, по поводу чего было-де во всей армии молебствие о сохранении нашей веры»<sup>59</sup>. Поведал П. А. Болотов и о проводах двух рекрутов «осенней отдачи» в Смоленск. 2 августа они пришли прощаться «в полном солдатском обмундировании и вооружении егарском», хорошо всему обученные, «хоть куда солдаты, хотя еще и сами ребятишки»<sup>60</sup>.

П. А. Болотов пересказал отцу письмо генерал-лейтенанта Н. И. Лаврова жене, отправленное 31 июля, из которого следовало, что «не было еще не только

генеральной баталии, но ни одного очень большого сражения», за исключением ежедневных стычек казаков с авангардными французскими постами. В результате захватывались в плен «человек по сту и более еле живых от голоду, ибо подлинно вся французская армия терпит чрезмерную нужду в провианте». При этом П. А. Болотов не преминул заметить: «У нас также очень нуждаются хлебом, так что покупают фунт по серебряной гривне, то есть по 50 копеек, следовательно пуд обходится в 20 рублей»<sup>61</sup>.

Смоленское сражение продолжалось с 4 (16) до вечера 5 (17) августа. Вместе с войсками корпуса Н. Н. Раевского и Д. С. Дохтурова в обороне города участвовало не менее 6 тыс. ополченцев. В ходе сражения предместья и город почти полностью сгорели. В 4 часа утра 6 (18) августа французский маршал Даву вступил в город, напоминая собой «пылающий ад»<sup>62</sup>. П. А. Болотов в письме отцу от 19 августа сообщал «об ужасах, грабежах и бедствиях, каким подвержены жители смоленских пределов, и как даже по лесам находят ребяточек, ползущих на четвереньках без призора, брошенных будучи и от родителей своих». И далее он продолжал: «Мы оплакали опять горькими слезами участь сего несчастного города и всех разбежавшихся его жителей. <...> Орел весь запружен эмигрантами из Смоленской губернии». Один из таких беженцев, нашедший приют у П. А. Болотова, смоленский помещик В. П. Близкочевской, сообщил следующее: «Французы в ярости до 7 тысяч ворвались в крепость самую внутрен[нею], так назыв[аемую] королевскую. Тут ополчилось на них самое купечество и мещанство, отобрав у наших убитых и раненых все оружие, и резня началась страшная, так что не выпустили ни одного человека из крепости. Это то самое раздражило неприятеля и побудило наутрие 5 числа притащить к стенам гаубицы для бросания в город бомбы. <...> И тут-то произошла ужасная суета и сумятица, а особливо когда загорелись уже форштаты. Вообразите, что вся дорога сажень в 40 или 50 ширины <...> на 30 верст сплошь была занята обозом, которого один конец был на перевозе, а другой еще в городе, и все спешили стремглав, что кто успел схватить с собою до выезда, а 6-го числа наши помышляли уже ретир[оваться] к Дорогобужу и потеряли много от преследующих»<sup>63</sup>.

Оставление Смоленска ранило национальное самолюбие, в армии и в обществе видели в этом акт измены, и во всем винили военного министра «немца» М. Б. Барклая-де-Толли. П. А. Болотов писал отцу, что «беды у нас в армии произошли точно от неладицы и от безначальщины» и что «все утверждают о измене Барклаевой»; ходили слухи, что один генерал «дал ему пощечину», а командир казачьих полков, генерал от кавалерии М. И. Платов «чуть было не заколол» военного министра. И далее провинциальный дворянин сравнил этот слух с «враньем» о том, что Наполеон Бонапарт инкогнито побывал в Москве. «Но зачем? — вопрошал с иронией П. А. Болотов. — Неужели в самом деле, чтоб узнать улицы, которыми идти к Кремлю!»<sup>64</sup>

Всеобщее воодушевление вызвало назначение 8 (20) августа императором Александром I главнокомандующим всеми российскими армиями и ополчени-

ями генерала от инфантерии светлейшего князя М. И. Голенищева-Кутузова. П. А. Болотов с восторгом писал отцу: «Пошлю вам списочек с рескрипта государева к кн[язю] Кутузову при зделании его главнокомандующим, ибо вижу, что этот рескрипт нигде не напечатан, а составляет важный акт»<sup>65</sup>.

Чем ближе наполеоновская армия приближалась к российской столице, тем очевиднее становилось всем, в том числе и П. А. Болотову, что «участь Москвы и может быть всей России» решит «генеральная баталия» и без нее «уже и веры не остается, чтоб мы могли остановить врага и отбить их назад»<sup>66</sup>. Поэтому неудивительно, что Болотовы следили за всеми распоряжениями главнокомандующего Москвы генерала от инфантерии Ф. В. Ростопчина<sup>67</sup>, с которым к тому же их связывала давняя дружба. В 1803 г. Ф. В. Ростопчин хлопотал за А. Т. Болотова перед юстиц-министром Г. Р. Державиным в связи с затянувшейся тяжбой с тамбовским помещиком П. Е. Пашковым, самовольно захватившим его земли в Кирсановском уезде<sup>68</sup>. Болотовы были поклонниками литературного таланта Ф. В. Ростопчина, чья книга «Мысли вслух на красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» (1807) (по словам М. А. Дмитриева) «прошла всю Россию, ее читали с восторгом»<sup>69</sup>. В письме от 11 июня 1812 г. П. А. Болотов благодарил отца за присланный список «ростопчинского сочинения»<sup>70</sup>, в котором «каждую страницу читали с совершенным одобрением всего сказанного, а особливо в разсуждении несчастных последствий для целого государства от <...> вольности и мечтательнаго от нее блаженства, хотя автор, правду сказать, притом смалчивал о худых помещиках, выставя только в пример добрых, под правлением которых подлинно едва ли не щастливейшее на свете состояние есть добраго и трудолюбиваго пахаря»<sup>71</sup>.

В письмах П. А. Болотова приводились выдержки из «Дружеских посланий от главнокомандующего в Москве к жителям ее» — листовок, которые разносились по домам и расклеивались наподобие театральных афиш, за что и были прозваны афишками. Всего за июль–декабрь 1812 г. исследователями выявлено 57 «афишек», из которых у 23 установлено авторство Ф. В. Ростопчина. В них главнокомандующий Москвы стремился успокоить жителей столицы, сознательно преувеличивал известия о победах русского оружия, высмеивал Наполеона и его армию. К примеру, листовка от 9 августа начиналась так: «Слава Богу, все у нас в Москве хорошо и спокойно! Хлеб не дорожает и мясо дешевет. Однако всем хочется, чтоб злодея побить, и то будет»<sup>72</sup>.

П. А. Болотов так оценивал автора «афишек»: «Мастер писать и успокаивать!»<sup>73</sup> 25 августа провинциальный дворянин отмечал, что «посмеялись сообща при чтении новой ростопчин[ской] пиесы насчет выезда из столицы барынь и купеч[еских] жен». В этой «афишке» от 17 августа «главнокомандующий Москвы» заявлял: «Я жизнью отвечаю, что злодей в Москве не будет...»<sup>74</sup> «Очень удивила» П. А. Болотова «афишка» от 22 августа, в которой сообщалось «о воздушном шаре, приготовляемом будто в Москве по приказанию государеву»<sup>75</sup>. Речь в «афишке» действительно шла «о большом шаре, на котором 50 человек

полетят, куда захотят, и по ветру и против ветра»<sup>76</sup>. Однако П. А. Болотов посчитал это «выдумкой Ростопчина» и с тревогой ожидал вражеского «воздушного посещения ежели не для настрашения или зазжения столицы, то может быть и вероятнее для разсыпания над всем городом прокламаций наполеоновых, которых иначе ему нельзя сюда и доставить в желаемом множестве»<sup>77</sup>. Наконец, «афишки», полученные «от 26 и 27 чисел (августа. — С. К.)» и «предворение Ростопчина <...> ежели дойдет дело то и сам совсем пойдет пролить кровь за отечество», по мнению П. А. Болотова, свидетельствовали, что «идет страшная резня»<sup>78</sup>.

9 сентября П. А. Болотов написал отцу последнее письмо из села Гнилое Болото. В нем он сообщал, что «после ужасной битвы (26 августа у села Бородино. — С. К.) за множеством тел, лежащих костром на поле сражения и не допускающих уже действовать, наши отступили еще, и стоя за 25 верст толь от Москвы, а потом слышим, что уже и гораздо еще ближе». И далее он с горечью заметил: «Разговоры безпрестанно у всех нас одни и одинакие судаченцы с оханьями и вздохами о критическом положении нашего Отечества»<sup>79</sup>.

8 сентября П. А. Болотов получил «поразитель[ную] весть, что французы вошли в Москву 3 числа перед вечером (на самом деле 2 сентября. — С. К.). <...> Итак, увы, наша столица!» Это окончательно убедило провинциального дворянина в необходимости отправиться «в горестную эмиграцию», «переехать в тамбовские места», где Болотовым принадлежали в Кирсановском уезде деревни Шадская (Тамбовская), Болотовка, Караваино, хутор в Дальнем Ложечном, в Козловском уезде — село Ендовищи<sup>80</sup>. П. А. Болотов призывал отца последовать его примеру, справедливо считая, что «обиталище» Дворяниново находится «в великой опасности от нашествия неприятельского по дороге из Москвы в Тулу»<sup>81</sup>. Перед отъездом П. А. Болотов провел прощальный сбор крестьян, где представил им нового приказчика и «поподчивал всех винцом». «Поговорив им много кое-чего в наставление без себя иметь, — писал П. А. Болотов, — <...> видел с каким огорчением и даже слезами они с нами расстают[ся] и Бог знает на долго ли и не навсегда ли даже!» В дорогу он взял более 400 книг из своей библиотеки, насчитывавшей более 1300 книг<sup>82</sup>.

П. А. Болотов пообещал отцу, что их переписка будет «продолжаться по-прежнему безостановочно в случае, ежели судьба грозная не соединит нас жительством вместе»<sup>83</sup>. Письма за сентябрь–декабрь 1812 г. обнаружить не удалось, однако в дневнике («Домашнем историческом журнале») А. Т. Болотова встречаются упоминания о них. Так, 20 сентября отец записал: «...Павел Андреевич выехал из своего дома еще десятого числа сего месяца, и не доезжая Ефремова, заехал <...> в Николное, и оставил там письмо ко мне под № 1»; 15 октября — «...мы имели удовольствие получить от Павла Андрееча письмо с подробным описанием всего их путешествия о тамошних произшествий»; 26 ноября — «...дома нашол, полученное без меня письмо от Павла № 6» и т. д.<sup>84</sup>

А. Т. Болотов со всеми домочадцами решились остаться в Дворяниново, «заклячая, что нет дальней опасности». Как явствует из дневника, отец и сын

в письмах делились известиями «о нещастиях Москвы», находясь «между страхом и надеждой», затем последовали «приятные вести» — уход 6 (18) октября «Великой армии» из Москвы, наступление русской армии и разгром Наполеона на Березине. 25 декабря (6 января) Александр I издал манифест «О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского»<sup>85</sup>. Последнюю запись в дневнике А. Т. Болотов сделал 31 декабря, и это были «вести», полученные им от соседки-помещицы А. В. Злобиной, которая сообщила, «что вчера в вечер получено в Алексине бумажка с извещением, что Бонапарта, наконец, поймали, и что исправник наш, сказывая сие, прыгал от радости, а бумажка летает по городу и все ее списывают и веселятся. Все мы и верили тому, и нет, и желали, чтоб было то правда»<sup>86</sup>.

<sup>1</sup> *Тартаковский А. Г.* Великие воспоминания 1812 года // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 4.

<sup>2</sup> *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 149.

<sup>3</sup> *Военский К. А.* Отечественная война 1812 г. в записках современников. М., 1911; *Каллаш В. В.* Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М., 1912; *Предтеченский А. В.* Отражение войны 1812–1814 гг. в сознании современников // Исторические записки. 1950. Т. 31. С. 222–244.

<sup>4</sup> *Бойцов М. А., Ильин В. В.* Отечественная война 1812 года в эпистолярном наследии современников (первая треть XIX в.) // Отечественная война 1812 года и русская литература XIX века. Сб. статей. М., 1998. С. 266–320; *Агронов Л. И.* Новые подходы к изучению Отечественной войны 1812 года: восприятие событий 1812 года российским простонародьем // Интеллектуальная культура современной историографии. Сб. статей: памяти Владимира Евгеньевича Иллерицкого. М., 2006. С. 184–206.

<sup>5</sup> *Бойцов М. А., Ильин В. В.* Отечественная война 1812 года в эпистолярном наследии современников... С. 266–267, 276.

<sup>6</sup> «К чести России». Из частной переписки 1812 года / Сост., авт. предисл. и примеч. М. А. Бойков. М., 1988. С. 11.

<sup>7</sup> *Веселова А. Ю.* Графомания как повседневная практика (на материале архива и мемуаров А. Т. Болотова) // Acta Universitatis Lodzensis Folia Litteraria Rossica 11. 2018. S. 36.

<sup>8</sup> *Веселова А. Ю.* Жанровый синтез в мемуарах А. Т. Болотова // Слово. Ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11. № 2. С. 106; [Болотов А. Т.] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 1873. Т. 4. С. 587–725.

<sup>9</sup> ОР РНБ. Ф. 89. Д. 32, 34–52.

<sup>10</sup> *Малеванов Н. А.* Дневник 1812 года А. Т. Болотова // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VIII Всерос. науч. конф. Бородино 6–7 сентября 1999 г. М. 2000. С. 130–144. Отрывок из журнала за 1812 г. опубликован (*Болотов А. Т.* Домашний исторический журнал 1812 г. / Публ. В. Лазарева, А. Толмачева // Наше наследие. 1994. № 29–30. С. 26–33).

<sup>11</sup> ОР РНБ. Ф. 89. Д. 41. Л. 4.

<sup>12</sup> Там же. Л. 13 об., 23, 39.

<sup>13</sup> Там же. Л. 33, 75.

<sup>14</sup> Там же. Д. 115. Л. 167 об.

- <sup>15</sup> Белоусов С. В. «Куда пятишься Барклай проклятый!» Официальная информация и слухи в российской провинции в 1812 году // Родина. 2012. № 6. С. 84.
- <sup>16</sup> ОР РНБ. Ф. 89. Д. 115. Л. 97.
- <sup>17</sup> Там же. Л. 96.
- <sup>18</sup> Там же. Л. 96 — 96 об.
- <sup>19</sup> Там же. Л. 117.
- <sup>20</sup> Там же. Л. 117 об.
- <sup>21</sup> ПСЗ. СПб., 1830. Т. 32. № 25051. С. 241.
- <sup>22</sup> ОР РНБ. Ф. 89. Д. 115. Л. 102 об.
- <sup>23</sup> Там же.
- <sup>24</sup> Тихомиров С. А. Власть и общество в текстах повседневной коммуникации в русской провинции в эпоху наполеоновского нашествия // Повседневность российской провинции XIX–XX вв.: материалы Всероссийской научной конференции (г. Пермь, 5–6 ноября 2013 г.); В 2 ч. Ч. 2. Пермь, 2013. С. 213.
- <sup>25</sup> ОР РНБ. Ф. 89. Д. 115. Л. 103.
- <sup>26</sup> Там же. Л. 114 об.
- <sup>27</sup> Там же. Л. 126 об.
- <sup>28</sup> Там же. Л. 122.
- <sup>29</sup> Там же. Л. 141 об.
- <sup>30</sup> ПСЗ. Т. 32. № 25141. С. 353–354.
- <sup>31</sup> ОР РНБ. Ф. 89. Д. 115. Л. 141 об.
- <sup>32</sup> Там же. Л. 142.
- <sup>33</sup> Там же. Л. 145 об.
- <sup>34</sup> Там же. Л. 147 об.
- <sup>35</sup> Агронов Л. И. Новые подходы к изучению Отечественной войны 1812 года... С. 196.
- <sup>36</sup> ОР РНБ. Ф. 89. Д. 115. Л. 145 об. — 146.
- <sup>37</sup> Там же. 149 об.
- <sup>38</sup> Белоусов С. В. К вопросу о материальном вкладе населения Пензенской, Саратовской и Симбирской губерний в 1812–1814 гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета. Сер. Гуманитарные науки. 2007. № 4 (8). С. 80.
- <sup>39</sup> ОР РНБ. Ф. 89. Д. 115. Л. 134.
- <sup>40</sup> Там же. Л. 137.
- <sup>41</sup> Там же. Л. 143 об.
- <sup>42</sup> Там же. Л. 155.
- <sup>43</sup> Там же. Л. 159.
- <sup>44</sup> Там же. Л. 154.
- <sup>45</sup> Там же. Л. 161 об.
- <sup>46</sup> Там же. Л. 165 об.
- <sup>47</sup> Там же. Л. 154 об.
- <sup>48</sup> Там же.
- <sup>49</sup> Там же. Л. 124 об.
- <sup>50</sup> Там же. Л. 129 об.
- <sup>51</sup> Там же. Л. 167 об. — 168.
- <sup>52</sup> Лапина И. Ю. Предпосылки создания земского ополчения в 1812 году // Вестник гражданских инженеров. 2008. № 2 (15). С. 109–110.
- <sup>53</sup> ПСЗ. Т. 32. № 25176. С. 388.
- <sup>54</sup> ОР РНБ. Ф. 89. Д. 115. Л. 152 об.
- <sup>55</sup> Там же. Л. 155–156.
- <sup>56</sup> Там же. Л. 156.
- <sup>57</sup> ПСЗ. Т. 32. № 25198. С. 405.
- <sup>58</sup> ОР РНБ. Ф. 89. Д. 115. Л. 156 об.
- <sup>59</sup> Там же. Л. 158 об.
- <sup>60</sup> Там же. Л. 158.

- <sup>61</sup> Там же. Л. 158 об.
- <sup>62</sup> Лапина И. Ю. Предпосылки создания земского ополчения в 1812 году. С. 111–112; *Троицкий Н. А.* 1812. Великий год России. М., 2007. С. 220.
- <sup>63</sup> ОР РНБ. Ф. 89. Д. 115. Л. 166, 168, 169 об.
- <sup>64</sup> Там же. Л. 174 об.
- <sup>65</sup> Там же.
- <sup>66</sup> Там же. Л. 173 об., 170 об.
- <sup>67</sup> Искюль С. Н. Год 1812. СПб., 2008. С. 75–78.
- <sup>68</sup> Козлов С. А. Русская провинция Павла Болотова: «Настольный календарь 1787 года» / Отв. ред. З. В. Дмитриева. СПб., 2006. С. 37.
- <sup>69</sup> Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 241.
- <sup>70</sup> ОР РНБ. Ф. 89. Д. 115. Л. 130.
- <sup>71</sup> Там же.
- <sup>72</sup> Ростопчин Ф. В. Ох, французы! / Сост., вступ. ст., примеч. Г. Д. Овчинникова. М., 1992. С. 12, 212.
- <sup>73</sup> ОР РНБ. Ф. 89. Д. 115. Л. 172.
- <sup>74</sup> Ростопчин Ф. В. Ох, французы! С. 214.
- <sup>75</sup> ОР РНБ. Ф. 89. Д. 115. Л. 176.
- <sup>76</sup> Ростопчин Ф. В. Ох, французы! С. 216.
- <sup>77</sup> ОР РНБ. Ф. 89. Д. 115. Л. 176.
- <sup>78</sup> Там же. Л. 175 об.
- <sup>79</sup> Там же. Л. 178 об.
- <sup>80</sup> А.Т. Болотов о Тамбовском крае / Сост. В. Д. Филатова (Литературная панорама Тамбовской губернии. Ч. 1). М., 2005. С. 9–10.
- <sup>81</sup> ОР РНБ. Ф. 89. Д. 115. Л. 100, 123, 179.
- <sup>82</sup> Там же. Л. 179.
- <sup>83</sup> Там же. Л. 179 об.
- <sup>84</sup> Там же. Д. 41. Л. 132 об. — 133, 187 об., 226.
- <sup>85</sup> ПСЗ. Т. № 25295. С. 486–487.
- <sup>86</sup> ОР РНБ. Ф. 89. Д. 41. Л. 237.

## References

A. T. Bolotov o Tambovskom krae [A. T. Bolotov about the Tambov region. In Russ.] / Sost. V. D. Filatova (Literaturnaya panorama Tambovskoy gubernii. Ch. 1). Moscow, 2005.

AGRONOV L. I. *Novye podhody k izucheniyu Otechestvennoy vojny 1812 goda: vospriyatie sobytij 1812 goda rossijskim prostonarod'em* [New Approaches to the Study of the Patriotic War of 1812: the Perception of the Events of 1812 by the Russian Common People. In Russ.] // *Intellectual'naya kul'tura sovremennoj istoriografii*. Sb. statej: pamyati Vladimira Evgen'evicha Illerickogo. Moscow, 2006. S. 184–206.

BELOUSOV S. V. "Kuda pyatish'sya Barklaj proklyatyj!" *Oficial'naya informaciya i sluhi v rossijskoj provincii v 1812 godu* ["Where are you Going, Damned Barclay!" Official Information and Rumors in the Russian Province in 1812. In Russ.] // *Rodina*. 2012. N 6. S. 84–87.

BELOUSOV S. V. *K voprosu o material'nom vklade naseleniya Penzenskoj, Saratovskoj i Simbirskoj gubernij v 1812–1814 gg.* [On the Question of the Material Contribution of the Population of the Penza, Saratov and Simbirsk Provinces in 1812–1814. In Russ.] // *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Ser. Gumanitarnye nauki. 2007. N 4 (8). S. 79–83.

BOJCOV M. A., IL'IN V. V. *Otechestvennaya vojna 1812 goda v epistolyarnom nasledii sovremennikov (pervaya tret' XIX v.)* [The Patriotic War of 1812 in the Epistolary Heritage of Contemporaries (First Third of the 19<sup>th</sup> Century). In Russ.] // *Otechestvennaya vojna 1812 goda i russkaya literatura XIX veka*. Sb. statej. Moscow, 1998. S. 266–320.

- BOLOTOV A. T. *Domashnij istoricheskij zhurnal 1812 g.* [Home History Magazine 1812. In Russ.] / Publ. V. Lazareva, A. Tolmacheva. // *Nashe nasledie*. 1994. N 29–30. S. 26–33.
- BOLOTOV A. T. *ZHizn' i priklucheniya Andrey a Bolotova, opisannye samim im dlya svoih potomkov.* [The Life and Adventures of Andrei Bolotov, Described by Him for his Descendants. In Russ.] St. Petersburg, 1873. T. 4.
- DMITRIEV M. A. *Melochi iz zapasa moej pamyati.* [Little Things from the Stock of my Memory. In Russ.]. Moscow, 1869.
- ISKYUL' S. N. *God 1812* [Year 1812. In Russ.]. St. Petersburg, 2008.
- KALLASH V. V. *Dvenadcatyj god v vospominaniyah i perepiske sovremennikov.* [The Twelfth Year in the Memoirs and Correspondence of Contemporaries. In Russ.]. Moscow, 1912.
- KOZLOV S. A. *Russkaya provinci ya Pavla Bolotova: "Nastol'nyj kalendar' 1787 goda"* [Russian Province of Pavel Bolotov: "Table Calendar of 1787". In Russ.] / Otv. red. Z. V. Dmitrieva. St. Petersburg, 2006.
- "K chesti Rossii". *Iz chastnoj perepiski 1812 goda* ["To the Honor of Russia". Private Correspondence 1812. In Russ.] / Sost., avt. predisl. i primech. M. A. Bojkov. Moscow, 1988.
- LAPINA I. Yu. *Predposylki sozdaniya zemskogo opolcheniya v 1812 godu* [Prerequisites for the Creation of the Zemstvo Militia in 1812. In Russ.] // *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov*. 2008. N 2 (15). S. 107–113.
- MALEVANOV N. A. *Dnevnik 1812 goda A. T. Bolotova* [Diary of 1812 A. T. Bolotov. In Russ.] // *Otechestvennaya vojna 1812 goda*. Istochniki. Pamyatniki. Problemy: Materialy VIII Vseros. nauch. konf. Borodino 6–7 sentyabrya 1999 g. Moscow, 2000. S. 130–144.
- PREDTECHENSKIY A. V. *Otazhenie vojny 1812–1814 gg. v soznanii sovremennikov* [Reflection of the War of 1812–1814 in the Minds of Contemporaries. In Russ.] // *Istoricheskie zapiski*. 1950. T. 31. S. 222–244.
- ROSTOPCHIN F. V. *Oh, francuzy!* [Oh, French! In Russ.] / Sost., vstup. st., primech. G. D. Ovchinnikova. Moscow, 1992.
- TARTAKOVSKIY A. G. *Velikie vospominaniya 1812 goda* [Great Memories of 1812. In Russ.] // 1812 god v vospominaniyah sovremennikov. Moscow, 1995.
- TARTAKOVSKIY A. G. 1812 god i russkaya memuaristika. Opyt istochnikovedcheskogo izucheniya. [1812 and Russian Memoirs. Experience of Source Study. In Russ.]. Moscow, 1980.
- TIHOMIROV S. A. *Vlast' i obshchestvo v tekstah povsednevnoj kommunikacii v russkoj provincii v epohu napoleonovskogo nashestviya* [Power and Society in the Texts of Everyday Communication in the Russian Province during the Era of the Napoleonic Invasion. In Russ.] // *Povsednevnost' rossijskoj provincii XIX–XX vv.: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii* (g. Perm', 5–6 noyabrya 2013 g.): V 2 ch. Ch. 2. Perm', 2013. S. 205–214.
- TROICKIJ N. A. *1812. Velikij god Rossii.* [1812. The Great Year of Russia. In Russ.] Moscow, 2007.
- VESELOVA A. Yu. *Grafomaniya kak povsednevnyaya praktika (na materiale arhiva i memuarov A. T. Bolotova)* [Graphomania as a Daily Practice (Based on the Archive and Memoirs of A. T. Bolotov). In Russ.] // *Acta Universitatis Lodzensis Folia Litteraria Rossica* 11. 2018. S. 35–46.
- VESELOVA A. Yu. *Zhanrovyyj sintez v memuarah A. T. Bolotova* [Genre Synthesis in the Memoirs of A. T. Bolotov. In Russ.] // *Slovo. Ru: baltiyskij akcent*. 2020. T. 11. N 2. S. 105–113.
- VOENSKIY K. A. *Otechestvennaya vojna 1812 g. v zapiskah sovremennikov.* [Patriotic War of 1812 in the Notes of Contemporaries. In Russ.] Moscow, 1911.

## ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

**С. А. Козлов. «Под самую Москву продолжается кровопролитная драча». 1812 год в письмах П. А. Болотова к А. Т. Болотову // Петербургский исторический журнал. 2021. № 1. С. 45–61**

**Аннотация:** В статье рассмотрены частные письма 1812 г., которые донесли до нас личное восприятие военной эпохи и стали отражением ее событийной стороны. В эпистолярных представителях различных социальных групп многочисленные сведения о текущих событиях, семейных отношениях, хозяйственной жизни чередовались с сообщениями о военных действиях и снабжении армии, пересказами и комментариями указов и распоряжений властей, а также слухов и анекдотов, бытовавших в обществе. Письма Павла Андреевича Болотова (1771–1850) отцу — известному писателю-мемуаристу, художнику

ку, ученому-агроному, паркостроителю, человеку энциклопедических знаний Андрею Тимофеевичу Болотову (1738–1833) — сохранились с 1 января по 9 сентября 1812 г. В письмах представлены философские размышления провинциального дворянина о «кризисе времени», который «должен решить участь не только многих государств, но и всего земного шара», и осмыслены драматические события первых месяцев наполеоновского нашествия на Россию. П. А. Болотов с воодушевлением писал о готовности тульского и орловского дворянства пожертвовать значительные денежные средства на военные нужды; сообщал о распространявшихся сведениях и слухах, в связи с продолжавшейся «кровавой драчей» под Москвой; с тревогой размышлял о судьбе родового имения Дворяниново под Тулой и проживавших там в «желанном спокойствии» батюшке и матушке. Письма П. А. Болотова позволяют рассмотреть исторические события 1812 г. через призму личностного фактора.

**Ключевые слова:** война 1812 года, Павел Андреевич Болотов, Андрей Тимофеевич Болотов, эпистолярное наследие, армия, провинциальное общество.

## FOR CITATION

**S. A. Kozlov. “Violent battle is going on just outside Moscow”. Letters of P. A. Bolotov to A. T. Bolotov in 1812 // Petersburg historical journal, no 1, 2021, pp. 45–61**

**Abstract:** The article is a study of private letters written in 1812, a source of information about people's perception and vision of the wartime, as well as of the then events. The epistolary exchanges between people from different social groups contain descriptions of various events, family relations and economic issues alongside the reports from battle fields, military operations and army munitioning, stories and comments on the orders and directives issued by authorities, as well as rumours and anecdotes circulating in the society at the time. Out of the letters written by Pavel Andreevich Bolotov (1771–1850) to his father Andrei Timofeevich Bolotov (1738–1833), a well-known biography writer, an artist, a pioneer in agronomical science, park landscape architect, a man of encyclopedic knowledge, have survived the ones dating back to the period from January 1 to September 9, 1812. The letters present philosophical ideas and arguments of a provincial nobleman about the ‘time crisis’ that would ‘determine the fate not only of many nations but also of the entire world’, as well as his interpretation of the first tragic events of the first months of Napoleon's invasion of Russia. With much inspiration P. A. Bolotov writes about the willingness of Tula and Orel noblemen to donate a good deal of money for war needs, his description of the news and rumours concerning the ‘bloody battle’ outside Moscow, his concern about the fate of his family estate Dvorianinovo near Tula, his father and mother living there in the ‘blessed peace and quiet’. P. A. Bolotov's letters make it possible to perceive the 1812 historic events from a personal perspective.

**Key words:** War of 1812, Pavel Andreevich Bolotov, Andrei Timofeevich Bolotov, epistolary heritage, army, provincial company.

**Автор:** Козлов, Сергей Александрович — д. и. н., профессор, заведующий кафедрой истории, философии и культурологии Высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна.

**Author:** Kozlov, Sergei Alexandrovich — Dr. of Sciences, Full Professor, Head of the History, Philosophy and Culture Studies Department, Higher School of Technology and Energy, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design.

**E-mail:** sakozl@rambler.ru